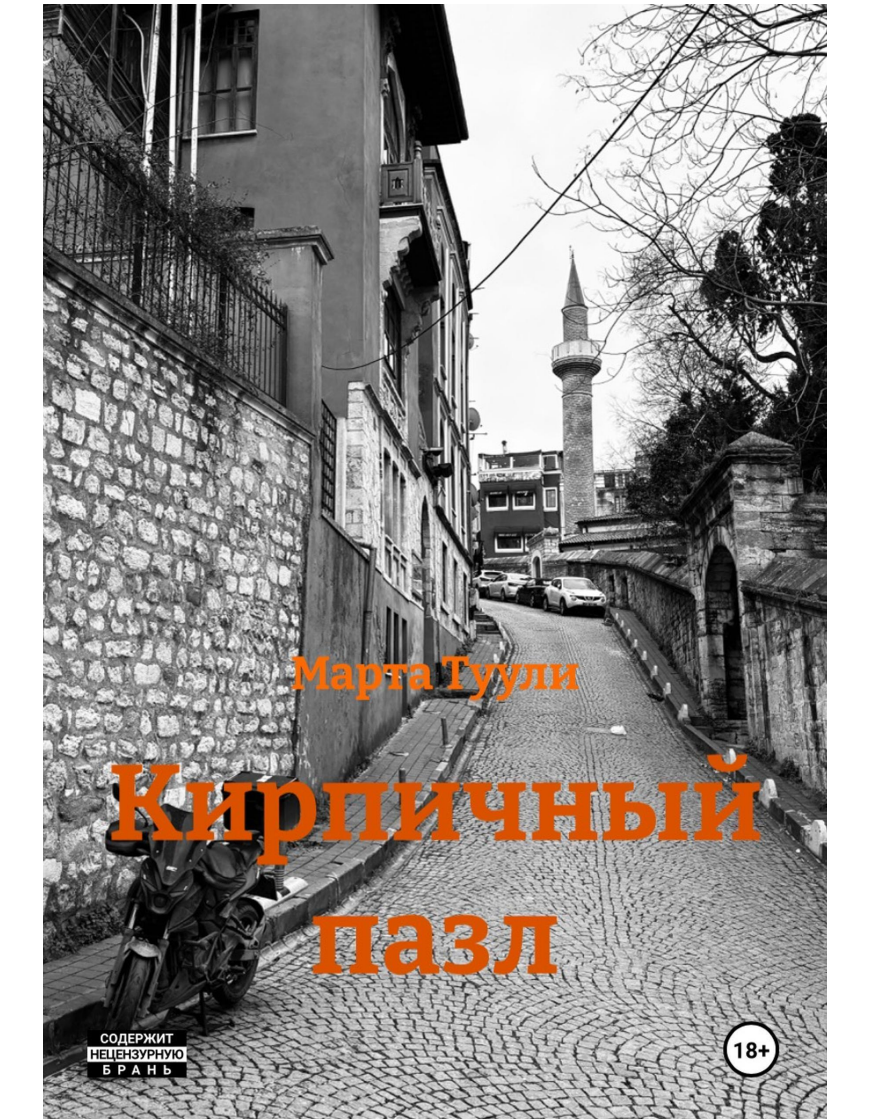

Марта Туули

Кирпичный пазл

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марта Туули

Кирпичный пазл

<https://litres.ru/74385682>

SelfPub; 2026

Аннотация

Утро в тихом, малолюдном офисе начинается не с кофе, а с жуткой находки под окнами. На дорожке лежит тело мужчины, окруженное странными осколками камней, похожими на криминальный пазл. Пока коллеги паникуют, спорят о национальности убитого и сводят старые счеты, Ася понимает: тихой и спокойной жизни пришел конец. Полиция уже в пути, но настоящие тайны скрываются не на улице, а внутри самого коллектива. Сможет ли Ася пережить это «наказание» и распутать чужие интриги, пока полиция ищет убийцу?

Марта Туули

Кирпичный пазл

1983 год

Опять эта шапка съезжает на глаза. Приходится идти почти вслепую, пытаюсь обходить замерзшие лужи, с хрустом наступая на ледяные рисунки на асфальте.

«Нельзя ходить по льду в резиновых сапогах, разрежешь», — слышится голос мамы в голове. «Конечно не буду, мне же их только что подарили!» Они очень красивые, ярко желтые, с теплыми меховыми валенками внутри. Мечта любой девочки. Кто ж виноват, что на лужах лёд, а шапка съезжает.

— Девочка, девочка, подойди, пожалуйста. Мне нужна помощь.

Мужчина в домашней одежде, стоит у входа в подъезд. Вышел попросить помощи. Я в растерянности оглядываюсь вокруг.

«Взрослых надо слушаться», — пульсирует в голове. «Сделаю вид, будто не ко мне обращаются». Улица пустынная, точно, обращается ко мне.

— Пойдем, ты pomoжешь мне достать вещь, я сам не могу дотянуться.

Мама всегда учила, что старших нужно уважать, а людям — помогать. Иду, хотя чувства говорят, беги. Мы заходим в обычную квартиру, каких в нашем военном городке полно.

В коридоре антресоли. Он показывает на них. Высоко, не достану, упаду, пронесится в голове. Он берет меня за талию и поднимает вверх. Его руки оказываются у меня промеж ног. Становится очень неприятно, накатывает липкий страх. Надо уйти, надо убежать, но как? Он огромный. Я просто молчу.

— Я ничего здесь не вижу, — тихо говорю я.

— Посмотри, посмотри еще повнимательней, — настаивает он.

Он держит меня, поднимая слишком высоко. Боюсь упасть, поэтому молчу.

— Нет, здесь ничего нет.

— Хорошо, давай передохнем, а потом ты еще раз посмотришь. Ладно?

Я снова молчу. Он опускается в кресло и хлопает по колену:

— Садись сюда. Тон приказной, я пока в силу возраста не понимаю, но это навык раздавать приказы, позже, я буду часто думать об этом, но сейчас.. Меня приучали слушаться, я выполняю приказ, как нечто само собой разумеющееся или по крайней мере обыденное.

У него узкий разрез глаз, азиатский. Я плохо в этом разбираюсь, я ведь совсем маленькая — мне от силы года четыре или пять. Почти пять.

— А давай с тобой поиграем?

Меня охватывает ужас. Я отчетливо понимаю, что проис-

ходит что-то неправильное, но не могу сказать «нет». Мне запрещено отказывать взрослым — за это могут наказать. Лучше промолчать.

Он гладит меня, переносит на диван, снимает колготки, трусы. Что-то делает надо мной. Я зажмуриваюсь. А когда открываю глаза, чувствую, что лежу в луже. Неужели я описалась? Я совсем не заметила, как это произошло. Встаю, наспех одеваюсь.

— На тебе карамельки, — протягивает он ладонь.

Зеленые мятные конфеты.

Вдруг раздается звонок в дверь. На пороге стоит высокая, красивая женщина. Темные волосы забраны в пучок. Строгий шерстяной костюм. На лице румянец, как от быстрой ходьбы или гнева. Он натянуто улыбается ей:

— А это девочка-соседка, помогала мне бритву на антресолях искать. Она уже уходит. До свидания, девочка.

Уходя, я успеваю услышать, как женщина строго спрашивает его: «Ты что, опять?!», «Нет, что ты, бытовая проблема, потребовала помощи постороннего, всего то».

Я несусь сломя голову вниз по лестнице. Время поджимает, я сильно опаздываю домой. Но когда прихожу, оказывается, что моего отсутствия никто даже не заметил. Я пытаюсь съесть конфеты, засовываю их все в рот. Я и раньше не жаловала мятные леденцы, а теперь просто ненавижу.

Стоя у окна пытаюсь разгрызть и проглотить их, но меня сковывает страх и они застревают: если их увидят, нагрянут

расспросы. Откуда они? Просто так ведь не дают конфеты, а в детском саду сегодня не было дня рождения ни у кого. Чтобы спрятать, приходится разломить их на мелкие части.

Я смотрю на улицу. Разум отказывается понимать случившееся, но внутри живет четкое знание: произошло что-то ужасное. Что-то очень плохое. Я запомню это на всю жизнь. Но дома никто ничего не заметил. Я никому здесь не нужна. И я никогда, никому об этом не расскажу.

1985 год

Мы с родителями стоим в клубе на праздничном награждении военных. Вокруг шум, торжество, толпа, улыбки. Вдруг среди лиц я замечаю его — вижу эти раскосые глаза. Я чувствую: он смотрит на меня и узнаёт. Потихоньку дергаю отца за рукав, шепчу и показываю пальцем: «Папа, а кто это? Кто он?» Отец лишь мельком глядит в ту сторону: «Кто? А это. Не знаю, какой-то служащий». И в этот миг внутри всё обрывается. Приходит страшное осознание: никто никогда мне не поможет, никто не услышит, не поймёт и не защитит.

1989 год

Я чувствую такое счастье от того, что мы уезжаем. Счастье, что больше никогда не увижу этих людей. Возможно, там — в другом городе, в другой жизни — я наконец буду в безопасности. Хотя, если честно, я ни в чём не уверена. Родители поглощены своими постоянными претензиями к друг другу, им совершенно нет дела до нас.

У моей старшей сестры сейчас первая любовь. Ей шестна-

дцать, и её мальчик очень милый. Мне невыносимо грустно, что им суждено расстаться навсегда только потому, что родители увозят нас, думая о своем комфорте. Мама хочет жить, зная, что за спиной родители. Видимо желания нести ответственность самой нет. Отец, пьет, хочет тишины, не слышать истерики по поводу и без, он на всё согласен. Я знаю, как это серьезно для сестренки. Но она, как и я, прячется за маской холода и молчания. Даже если эта первая потеря будет разрывать её изнутри, она ни за что не покажет своих слёз.

Ася

Стою у окна, кручу в руках ручку. На той стороне дороги бурно жестикулирует группа мужчин в грязной строительной одежде, все азиатской внешности. Чуть поодаль — ещё одна толпа, не меньше первой.

Откуда они здесь взялись? На работу нанимаются? Но куда? В округе вроде ничего не строили. Может, ремонты делают? Или жильё недорогое снимают у местных бабулек? Если они обоснуются тут, это же просто коллапс.

Ну вот, я так и знала. Один прошёл и швырнул на тротуар фантик от печенья. Совершенно невыносимый народ. Вот вроде и хочется войти в положение, подумать по-человечески: люди приехали на заработки, времена сейчас тяжёлые... И тут же эти фантики. А следом пойдут бутылки, очистки. Не выношу беспорядок и хаос.

Надо предупредить охрану, чтобы были повнимательней и следили за оборудованием. Проверить, работают ли каме-

ры, а то мало ли что. Наедятся своего насвая и натворят дел. Бдительность прежде всего.

Девочек тоже надо как-то предостеречь. О боже мой, но как? Терпеть не могу эти профилактические беседы. Ладно, попробую преподнести всё через свое любимое метафорическое мышление.

Если бы вы знали, как я... нет, не то чтобы ненавижу, пожалуй, «ненавижу» — слишком громкое слово. И дело здесь совершенно не в национальности. Я много путешествую и наши пути пересекаются с завидным и пугающим постоянством. Скопилось, знаете ли, критическое количество наблюдений. Позвольте начну повествование:

Эпизод первый. Стокгольм, благословенная Швеция.

Глухая ночь. Scandic Hotels — чудесное, респектабельное место, которое я нежно люблю. И вдруг в два часа ночи тишину взрывает истошный вой пожарной сигнализации. Сонный отель эвакуируется. Весь коридор моментально заполняется взъерошенными постояльцами. Среди этого парада пижам стою я: на мне трогательная ночнушка с медвежонком и надписью «*Sweet dreams*». И всё бы ничего, но мне, на минуточку, уже около сорока. Ну, или буду совсем честна, по крайней мере с самой собой — уже сорок. Я сплю в чём хочу, но показывать свое неглиже всему миру не планировала, неприятный момент, мягко говоря. Но смешной.

Рядом открывается дверь соседнего номера, откуда выходит швед. Симпатичный, помоложе меня — лет тридцати, не

больше. И на безупречном английском, с истинно европейским состраданием в глазах, участливо спрашивает:

— Как вы? Всё хорошо? Вам помочь?

А я стою — гнездо на голове, медведь на груди — и выдавливаю:

— Нет-нет, всё нормально, спасибо... А что случилось?

Мимо проходят люди в форме. Пожарные? Полиция? Не разбираюсь в форме служб Швеции, надобность не возникала. Спрашиваем: «What's going on, what's wrong?»

Вскоре выясняется виновник торжества. Наша доблестная китайская делегация решила устроить в номере то ли филиал кальянной, то ли филиал инквизиции — в общем, они там что-то увлеченно поджигали и курили. Охрана, конечно, вошла в номер, всё погасила. Всех успокоили и нас милостиво разогнали обратно по кроватям. Это был случай *Number one*, так сказать.

Эпизод второй. Жаркая Испания.

Мы изнываем в очереди в местной аптеке. У меня жутко, просто немилосердно раскалывается голова, мир вокруг кажется филиалом ада. За нами чинно пристраивается в очередь местная пожилая сеньора. И тут, презрев законы физики и приличия, в помещение влетает азиат. Он не оборачивается, не извиняется — он просто материализуется прямо у кассы, аккурат передо мной, и начинает что-то экспрессивно жестикулируя доносить до изумленного фармацевта.

Испанец за стойкой смотрит на него с немим вопросом.

Я, собрав остатки самообладания, молча вытягиваю руку и указываю наглицу пальцем вконец очереди: встань, мол, назад, товарищ. Он оборачивается, делает абсолютно невинные глаза и выдает сакральное:

— *I don't know...*

Ах, ты «ай донт ноу»?! То есть общепринятые нормы и правила, уважение к людям, да и непосредственно к женщинам, чужим головным болям тебе неведомы? Не «ай донт ноу» ты, а просто невоспитанный поросёнок.

Эпизод третий. Романтичный Будапешт.

Гуляю по какому-то старинному замку — дай бог памяти, как он называется, вылетело из головы, вспомню — скажу. Ах, да Вайдахуньяд. Красота неопишуемая, хочется запечатлеть себя на фоне вечности. Вижу одинокого туриста с узким разрезом глаз. Вежливо протягиваю ему свой телефон и прошу сделать снимок. Надо отдать должное — он пощёлкал затвором, возвращает мне гаджет и с широкой улыбкой произносит:

— *Welcome!*

И тут меня, как любую русскую девушку, исправно учившую английский язык в школе и университете, намертво переклинивает. Мой внутренний переводчик чётко считывает это как «Добро пожаловать!».

В голове моментально закипает экзистенциальный бунт: «Подожди-ка. Ты — азиат, болтающий на мандаринском. Я — на русском. Мы стоим посреди Венгрии. И ты мне гово-

ришь «Добро пожаловать»? В Будапешт?! Ты что, коренной мадьяр в седьмом поколении? Хранитель ключей от замка, чтобы встречать меня здесь как хозяин Вайдахуньяд»? Внутри меня всё клокочет от возмущения. Конечно, где-то там, в самых тёмных глубинах души, я разумом понимаю... Господи, что это во мне говорит? Снобизм? Нарушение границ? Какое-то изошрённое ханжество? Не знаю, как правильно интерпретировать этот душевный порыв. Наверное, бедолага просто хотел сказать усечённое «*You are welcome*» в значении «пожалуйста, не за что». Но в тот момент меня это взбесило так, что искры из глаз летели. С натянутой улыбкой благовоспитанности, я быстро ретировалась. Чуть не проскочив памятник Анониму скульптора Миклоша Лигети. А ведь надо было потерять перо Анонима, чтобы стать гением. Да, да, не без этого. И прошу не оценивать мои милые ритуалы.

Заканчивая повествование, отмечу, вот из таких маленьких крупиц и складывается моё стойкое, жуткое раздражение. Так что да, поэтому я не понимаю людей этой рассы, мягко говоря, и недолюбливаю за допустимость бестактности и невоспитанности к окружающим. Да еще и за пределами ореола своего обитания, а что же творится в месте силы? Даже страшно подумать.

2026 год

На дорожке лежит человек, точнее, то, что осталось от него, тело. Странно, я пришла на работу и не заметила его. Ах, да, зашла с другой стороны. Точно. Хотя что это я, мо-

жет он жив? Из окна не понятно. Так, делегация уже вышла к месту событий, надо идти.

—Что делать, куда звонить? В скорую? Вы видели, видели?! Он там, на улице лежит! Не знаю, какой-то нерусский... Господи, девочки, что мы будем делать?

—Я решительно не понимаю, для чего у нас тут камеры и зачем сидит охранник! По камерам ничего не видно — она уже посмотрела. А охранник... Ой, ну что вы, будто сами не видели, что это за охранник? Это же какое-то чудо природы, а не безопасность. Я не понимаю, он умер? Он кореец, китаец... Что он вообще тут делает?

— Казах. Китаец?

— Да? Это даже интересно. Буквально на днях мы слышали...

—О чем слышали? О том, как кое-кто изливал душу, насколько ненавидит азиатский фенотип?

—Лучше прикрой рот, по-моему, ты слишком много говоришь.

— И что? Что хочу, то и говорю!

— Следи за языком. Твой тебя точно не до Киева, а до Магадана доведет.

— А ты... ! Всё никак не знаешь, как перед ней выслужаться.

— Уж лучше угодить тому, кто имеет авторитет, работает и делом занимается, чем чесать языком, не задумываясь о том, что делая неверные выводы, разжигаешь расовую нена-

висть и тревожность мешающую работе.

— Так, коллеги! Давайте мы пойдем работать, а эти дебаты оставим для полиции. Ее уже вызвали, сейчас подъедет. Скорая тоже. Охранник нас пригласит, если возникнет необходимость.

Ася

Господи, за что мне всё это? И так проблема на проблеме, а тут ещё это. Может, он просто пьяный? Да нет, там какая-то черная лужа... на кровь похоже. Интересно, что за история? Не понимаю... Здесь так спокойно, так тихо, очень малолюдное место. Около него осколки камней какие-то, кирпичей, как мозаика или природный пазл. Криминальный пазл. Откуда всё это взялось? Какое-то наказание. Хотя... Да, даже не знаю. Будь, что будет. Некоторые вещи нужно просто пережить. В любом случае, не нам этим заниматься.

— Ася, к тебе можно?

— Заходи. Как ты думаешь, что это такое?

— Понятия не имею. Все обсуждают твой вчерашний спич. Прогон про Будапешт.

— Да, с моей стороны будет лучше сказать «ха-ха». Или что самое разумное, скромно промолчать. Народ считает что это я ему помогла отойти в мир иной? Наслаждаюсь такими высокими рейтингами по обратной связи от коллег. Ну ладно, ждём полицию, посмотрим.

— Боже, ты что, не знаешь, наш народ? А что *наша* полиция здесь может сделать?

— Убратся. Во всех смыслах этого слова. Очень смешно. Сама-то что думаешь?

— Ну не знаю. Тут кругом стройки, может быть, этот... как-то сбежал? Сбежал, неожиданно на что-то упал.

— На что, интересно? На нашем замечательном газончике? Чтобы упасть в наши постриженные кустики, надо хорошо прицелиться. На что здесь можно упасть, чтобы разбить голову? Ну понятно, что он не сам упал. Помогли.

— Ну, на камерах-то ничего нет.

— У нас тоже есть мёртвые зоны.

— Да, не поспоришь. Давай дождёмся правоохранительные органы.

Ася

Не пойму, почему какой-то китаец... И почему все говорят, что это китаец? Лица же не видно. Из-за заводов по производству китайских машин, по соседству, которые размножаются как грибы после летнего дождя, что-ли? А вот одежда, какая-то прямо очень знакомая. Жалко, лица не разглядеть — лежит лицом вниз. Но уж очень знакомая одежда, такое ощущение, что где-то я её уже встречала. Да прямо недавно совсем! Странно как-то всё это... Ещё и эти скоро приедут, работать будет просто невозможно. Я очень устаю от суеты, не успеваю восстановиться за ночной сон-отдых. А нужно контролировать себя, держаться, иначе приобретенные навыки дыхания и бережного к себе отношения пойдут в сторону моря. Не могу позволить, чтобы столько труда и

моральных вложений пошли прахом.

Иваныч

— Иван Иванович, здравствуйте, как хорошо, что это вы приехали, по крайней мере мне будет спокойней с человеком, которого я знаю, и уважаю.

— Смущаете меня, Ася, а у меня труп. Точнее у Вас. Ха-ха.

— Я искренне, вы же знаете. Смеяться не хочется, честно говоря.

— Знаю. Дадите нам доступ к камерам, посмотрим, скачаем, попозже чуток, как труп увезут. Сейчас осмотримся, поснимаем, поговорим с людьми. Местечко нам организуете, потише, поспокойнее?

— Да, конечно наберите мне, как возникнет надобность. Иван Иванович, развеите попозже моё беспокойство, что это вообще всё значит? Откуда радость прилетела? Хорошо? По старой дружбе, так сказать.

— Но вы же знаете, что нельзя мне распространяться.

— А мы без имён, мы так, по-философски, порассуждаем немного.

— Ну по-философски можно, я думаю.

— Спасибо, я знала что вы меня успокоите. Рада вас видеть, звоните.

2026 год

Никто не догадается, никто никогда не узнает, никто не сможет связать, подумаешь узкий разрез глаз, все давно за-

быто, забыто! Хотя я, никогда об этом не забуду. Но я буду очень осторожна, я буду контролировать свой каждый вздох, каждое движение, чтобы давняя травма, которая только что задремала, не проснулась. Чтобы липкий страх не уничтожил меня снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.